

« LA RENAISSANCE »

ВОЗРОЖДЕНИЕ

**НЕЗАВИСИМЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

Под редакцией

Кн. С. С. ОБОЛЕНСКОГО и Я. Н. ГОРБОВА

№ 239

СЕНТЯБРЬ — ОКТЯБРЬ 1972 ГОДА

c/o. S. S. Obolensky
Chemin de la Côte-du-Moulin
78620 — L'Etang-la-Ville

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
НАШ РУССКИЙ ПУТЬ. Редакционная статья.	5
Игорь ЧИННОВ. Гротески. Стихи.	7
Н. РОВСКАЯ. Смерч.	11
Иг. АВТАМОНОВ. Маленькое чудо. Рассказ.	35
Ирина АСТРАУ. Запоздалое счастье. . .	47
М. КАРАТЕЕВ. Стихи.	53
К.А. КРИВОШЕИН. А.В. Кривошеин и граф Коковцов.	55
В. МАРКАДЭ. « Царь Борис » А.К. Толстого. (Оконч.).	86
Л. ДОМИНИК. Еще раз о марионетках. . . .	105
БЕСЕДЫ С ВЕЛИКОЙ КНЯЖНОЙ МАРИЕЙ ВЛАДИМИРОВНОЙ. Собрал гр. Д. Капнист.	109
Граф Д. КАПНИСТ. Диктатура и Монархия.	112
Лев ЗАКУТИН. От контестаии интеллектуальной и политической к контестаии экономической. .	122
Среди книг и журналов: Н.В. СТАНЮКОВИЧ. « Новый Колокол ».	130
И.И. БИЛИБИН. Права наций. . . .	141
Кн. С. ОБОЛЕНСКИЙ. Быть или не быть.	153

В железобетонном склепе
Этой мутной столицы
Моя жизнь так нелепо
Двоится.
Днем, раздавленный грохотом
Обезумевшей улицы,
Я жалкий и крохотный.
На счастливых и сытых
Я не смею и хмуриться.

Ну, а ночью, когда тишина
Простирает над городом руки
И слетаются ангелы сна,
Чтоб избранников жизни баюкать,
Когда звезды на небе горят
И утихнет вулкан человеческий,
Вдруг неведомый грянет набат
Полыхнувшему сердцу навстречу,

И ярким зажжется смыслом
То, что днем беспомощно тлело !
Саламандрами мысли
Обернутся в пламени белом
И замечутся по мансарде, —
Им тесно в этом плену...

Повадкою леопарда
Проскользну к своему окну,
И какая-то сила шальная
В душу льется горячей струей...
Ясно вижу, как подлость людская
Захлестнула нас черной петлей.
И рванув ненавистный мне ворот
Повседневно-тюремного платья,
На трусливо прижавшийся город
Стопудовые рушу проклятья !

М. Каратеев

А. В. Кривошеин и граф Коковцов

(Два характера, два взгляда на экономическую политику))*

В пятилетию, предшествовавшем первой мировой войне, после того как Россия оправилась от последствий японской войны и революции, для русского правительства открывались две различные экономические политики: при широком участии государственного бюджета и кредита, смело развивать производительные силы страны, поощряя, в то же время, общественную самостоятельность, или же, напротив, поставить себе целью, соблюдая максимальную бережливость даже в производительных расходах, придерживаться бухгалтерского равновесия бюджета и накапливать золотой запас.

Первую политику, политику развития производительных сил страны защищал Кривошеин, следуя в этом Столыпину. Определенным последователем второй политики был министр финансов и председатель Совета министров Коковцов.

Конфликту между этими двумя направлениями и двумя личностями посвящен настоящий очерк.

Кривошеин и Коковцов отличались как взглядами на самые существенные вопросы экономической политики, так и характерами. Не стоит останавливаться на многих чертах характера Коковцова, не привлекавших людское расположение и не создававших ему популярности и затемнявших черты заслуживавшие уважения — хотя бы его патриотизм и финансовую щепетильность, но между живой, экспансивной, именно умевшей приобретать расположение натурой Кривошеина и совсем противоположным, « постным » характером Коковцова, близость была невозможна.

Особенно велико было расхождение между ними в их подходе к экономическим и финансовым проблемам. Если для Коковцова, министра финансов, главной целью было бухгалтерское равновесие бюджета, накопление золотого запаса и свободной наличности, то для Кривошеина, Россия, страна развивающаяся, вернее слабо развитая, нуждалась в крупных

*) Глава из неизданной биографии А.В. Кривошеина, написанной его сыном К.А. Кривошеиным.

производительных капиталовложениях в свое отсталое хозяйство, и в особенности в сельское хозяйство. Последнее нуждалось в кредитах, не только для покупки через Крестьянский банк земель крестьянами, но и для приобретения ими земельного инвентаря, а именно этому Коковцов противился. Работа ведомства земледелия тормозилась, тогда как нужно было, как можно скорее, ослабить растущее противоречие между быстро развивающейся промышленностью и примитивным земледелием, противоречие, которое по меткому, хотя и одностороннему выражению Ленина, глубже всего объясняет русскую революцию 1).

Что касается накопления золотого запаса как цели в себе, то несмотря на то, что русский золотой запас был самым крупным в Европе — больше французского, немецкого или английского — эта громадная инертная золотая масса, слишком большая для мирного времени, не сыграла сколько нибудь значительной роли как противовес денежной инфляции во время войны. Бесцельным было также чрезмерное накопление свободной наличности казначейства. К 1 января 1913 г., наличность государственного казначейства свободная от каких либо затажных обязательств равнялась 433 миллионам рублей, а всего накоплено у правительства во всех кассах было более 800 миллионов рублей. К 1 января 1914 г., свободная наличность уже достигала 515 миллионов рублей. Эти огромные суммы, приносившие ничтожный доход, а частью никакого, были праздной роскошью, которую себе не позволяли богатые страны, чаще всего проводившие работу казначейства при наличии текущего долга, даже крупного, который они потом консолидировали займами.

Производительные чрезвычайные расходы бюджета, такие как постройки казенных железных дорог, покрывались за счет бюджетных поступлений, а не займами.

Хроническому конфликту между Коковцовым и Кривошеиным предшествовал конфликт между Коковцовым и Столыпиным, всецело поддерживавшим Кривошеина.

В главе посвященной «Столыпинской реформе», я указываю на резкое столкновение Столыпина с Коковцовым по поводу финансирования реформы Крестьянским банком в ноябре 1906 г. Конфликт обострился тем, что назначенный 6 октября 1906 г. товарищем министра и заведующим этим банком Кривошеин проводил через голову Коковцова, своего начальника, политику Столыпина, а именно, предоставление широкого

1) Примечания см. стр. 80-85.

кредита землеустройству. Коковцову пришлось уступить перед энергичным «окриком» Столыпина, когда он попытался отказать расширить кредит банка вопреки указу 15 ноября 1906 г. о ссудах под залог наделных участков и не соглашался развить участие банка в покупке крестьянами помещичьих земель. Здесь — по словам Коковцова — «с первых же дней сказывалось влияние на Столыпина А.В. Кривошеина» 2).

Вообще, хронический конфликт между Коковцовым и Кривошеиным должен быть понят в свете конфликта между Коковцовым и Столыпиным, исполнителем политики, а затем продолжателем которого был Кривошеин.

Весной 1910 г. к этому конфликту прибавился другой: неудавшаяся попытка Кривошеина организовать правительственный сельскохозяйственный кредит, ярко освещающая противоположность взглядов Коковцова и Кривошеина на спешность поднятия этими мерами уровня крестьянского земледелия. Поддержанный Столыпиным, Кривошеин созвал 1 мая под своим председательством междуведомственное совещание для обсуждения проекта Сельскохозяйственного банка для кредитования приобретения земледельческого инвентаря и улучшения земледельческой техники 3). Крестьянский банк мог открывать кредиты исключительно землеустроительного характера. Кредиты же Государственного банка органам мелкого кредита на покупку земледельческих машин были недостаточны. От имени Столыпина, точка зрения министра земледелия была горячо поддержана товарищем министра внутренних дел А.И. Лыкошиным. По его мнению, такой кредит не только не был преждевременным, но, с появлением личной крестьянской собственности, скорее запоздавшим. Министерство финансов считало, напротив, что надо ждать. Надо ждать пока разовьется мелкий кредит, надо ждать пока он не окрепнет, надо ждать пока русский крестьянин не созреет до того, чтобы производительно использовать полученные из банка средства, так как пока он еще далеко не созрел до этого. Наконец, надо ждать пока государственный кредит не оправится от потрясений перенесенных в годы лихолетья. А главное, министерство финансов было категорически против государственной гарантии облигаций банка: деятельность проектируемого банка по финансированию сельского хозяйства, этого неблагонадежного с точки зрения министра финансов промысла, могла привести к крупным убыткам, которые пали бы на государственное казначейство. Между тем, проектируемый банк страдал скорее ограниченностью предназначенных для него средств: 15 миллионов рублей капитала и право выпуска в десятикратном размере капитала облигаций —

150 миллионов рублей для начала; в дальнейшем, капитал должен был увеличиваться отчислениями от прибыли.

Кривошеин с жаром возразил на это, что приведенные аргументы нисколько не поколебали его уверенность в том, что орган широкого кредита был бы единственным средством поднятия производительности крестьянского труда, что в основе проекта лежит глубокая вера в коллективный разум русского народа. «Пусть часть средств истраченных правительством пропадет, пусть будут на первых порах неудачи и убытки. Не убытки надо считать, а ту пользу, которую принесет сельскому хозяйству хорошо организованный кредит!»

Вследствие оппозиции финансового ведомства банк не был учрежден 4).

Интересно и живо составлено донесение французского поверенного в делах Дульсэ своему правительству, написанное 13 марта 1914 г., но охватывающее предыдущий период 5): «Тогда как г. Коковцов ставил на первое место заботы о казначействе и считал, что сбереженные им суммы больше чем что либо в его политике заслуживают прославления, г. Кривошеин утверждал, что бережливость может быть разорительнее самых безрассудных трат, когда она достигается за счет экономического развития страны. Именно на этой почве у них произошло первое столкновение, ставшее известным общественным кругам. Г. Кривошеин представил Совету министров проект Сельскохозяйственного банка, назначением которого была не покупка крестьянами земли и не предоставление им ипотечных ссуд — для этого существует Крестьянский банк — но облегчение приобретения ими земледельческого инвентаря и вообще предоставление им необходимых средств для улучшения сельскохозяйственной техники. Этот проект был первой попыткой организации народного кредита (...). Г. Коковцов стал возражать против своевременности такого начинания, утверждая, что, по его мнению, нужно его отложить на те, еще отдаленные времена, когда окрепшее финансовое положение России позволит столь рискованное предприятие. Совет министров стал на его сторону и г. Кривошеин попросил императора принять его отставку, но она не была принята».

Этот инцидент мог только обострить конфликт по поводу Крестьянского банка, в особенности после поездки Столыпина и Кривошеина осенью 1910 г. в Сибирь, где банк рассматривался как «чужое ведомство», неспособное отрешиться от узко финансовой стороны своей кредитной политики. Столыпин решился тогда передать банк ведомству землеустройства.

По словам Коковцова 6), Столыпин добился от Императора Николая II, во время пребывания Коковцова во Франции в октябре 1910 г., обещания передать банк этому ведомству, о чем он уведомил затем министра финансов, и на возражения последнего предложил арбитраж царя. Коковцов отверг этот выход из положения и предложил, в свою очередь, представить ведомству землеустройства проведение законопроекта, с тем, что после утверждения его обеими палатами, он подаст в отставку. Эта комбинация понравилась Николаю II, так как она позволяла ему отложить надолго неприятное решение 7).

По словам Коковцова, дело оставалось без движения до весны 1911 г. и Кривошеин сам этого вопроса якобы не поднимал. В действительности, Кривошеин совершенно открыто заявил о желательности передачи банка своему ведомству еще в марте 1910 г., принимая делегацию саратовского земства, жаловавшегося ему на работу банка 8); то же самое сказал он в представленной им в 1910 г. записке о преобразовании этого ведомства в министерство.

После конфликта с Государственным Советом в марте 1911 г. по поводу введения земских учреждений в Западном крае, авторитет Столыпина был в глазах Николая II подорван и Кривошеин, хорошо разбираясь в политической ситуации, пришел к выводу, что рассчитывать на подчинение ему Крестьянского банка нельзя и что финансовое ведомство не согласится, как и в 1910 г., отпустить средства для Сельскохозяйственного банка. Исходя из этого, он стал искать наименее невыгодного компромисса: 6 июня Совет министров под председательством Столыпина одобрил проект преобразования Крестьянского банка в Государственный поземельный банк, подчиненный финансовому ведомству. Этот банк будет выдавать долгосрочные ссуды на сельскохозяйственные улучшения как крестьянам, так и прочим сословиям и кратковременные ссуды учреждениям мелкого кредита (из сумм коими располагали сберегательные кассы); в учреждения выдающие ссуды и в банк будут введены представители ведомства землеустройства с решающим голосом по всем вопросам, кроме чисто финансовых 9). Хотя это ограничение и ослабляло значение компромисса, но он всё-таки не пришелся по вкусу министру финансов: с назначением его премьером, проект был сдан в архив до марта 1913 г., когда он снова был обсужден Советом министров, но дальнейшего движения не получил 10). Вопрос о расширении, в сущности создании сельскохозяйственного кредита мог быть вновь поставлен уже только после увольнения Коковцова.

Конфликт между двумя ведомствами — и между двумя

личностями — живо освещался « Новым Временем » 12 июня 1911 г. (« Разрешившийся ведомственный конфликт »), не без прямого влияния Кривошеина. « Сельскохозяйственный конфликт составляет, строго говоря, *pium desiderium* нашей « по преимуществу земледельческой страны ». Кое что делается, но, кроме ссуд под залог хлеба, все остальные операции, имеющие характер сельскохозяйственного кредита, выражаются в столь ничтожных размерах, что составляют каплю в море для тех нужд сельского хозяйства, которые могли бы удовлетвориться за счет правильного и организованного кредита (...) Во всяком случае, мечтать о серьезном прогрессе при таких условиях наивно (...) В земледельческую среду вошел новый фактор — реформа землеустройства. Что толку переходить на хутора и отруба, когда земледелец всё равно должен подходить к земле с голыми руками. На хуторах и отрубях, еще ощутительнее нужда в средствах на обзаведение, на оборудование инвентарем... опыт земельной реформы показал однако, что отсутствие оборотных средств ставит иногда неодолимые помехи землеустроительному делу. Вполне понятно, что глава ведомства земледелия, на обязанности и ответственности которого лежит попечение как о сельском хозяйстве вообще, так и об успешном ходе земельной реформы, не мог оставаться равнодушным к такому безнадёжному положению вещей (...). Отсюда мысль об организации Сельскохозяйственного банка и координации этого банка с Крестьянским, ставшим с 15 ноября 1906 г. гораздо более землеустроительным органом чем банком ипотечного кредита. На что министерство финансов заявило протест против вторжения в область кредита « постороннего ведомства » (...) Министр финансов мог предложить, смело сказать Главноуправляющему землеустройством и земледелием: Вы просите о 15 миллионах для Сельскохозяйственного банка и мечтаете о 50 миллионах облигаций. Извольте!), я найду капитал и облигации в размере 100 миллионов и соберу с сельского хозяйства, с подъема народного благосостояния дань гораздо большую нашей « банковской провизии », с роста доходов по всем статьям бюджета (...) Итак — по рукам! — К сожалению случилось нечто иное: вместо удовлетворения одной из самых насущных потребностей народного хозяйства, затяжной конфликт, конфликт теперь разрешенный довольно благополучным компромиссом, удачным если найдет воплощение, а не будет похоронен в каких нибудь архивах ».

В начале лета 1911 г. Столыпин решил добиться замены Коковцова, хотя его собственный авторитет был тогда поколеблен. Он стал выдвигать на его место, указанного ему

министром торговли Тимашевым и Кривошеиным, большого друга последнего, П.Л. Барка, одного из руководителей Волжско-Камского банка, а ранее помощника управляющего Государственным банком, когда Тимашев был управляющим 12). Для подготовки этой перемены представился удобный случай: после продолжительной болезни, смертельный исход которой можно было предвидеть, 23 июля скончался товарищ министра торговли Миллер. Как Тимашев, так и Кривошеин предупредили Барка, что после кратковременного стажа в министерстве торговли, ему будет поручен портфель финансов. Кривошеин уговаривал Барка покинуть хорошо оплачиваемую (150 000 рублей в год) должность в частном банке для плохо оплачиваемой должности товарища министра (13 000 рублей в год), так как по бюрократическим воззрениям, должность директора частного банка не считалась открывающей путь к министерскому посту; необходим был предварительный чиновный стаж. Назначение состоялось 12 августа 1911 г., во время одного из кратких пребываний Столыпина летом этого года в Петербурге. Смерть Столыпина в Киеве помешала завершению этого плана 13).

Точные обстоятельства назначения Коковцова на место Столыпина мало известны; Коковцов всегда замещал Столыпина когда тот был в отсутствии, но это замещение по старшинству отнюдь не открывало дорогу к премьерству; уже в марте месяце поговаривали о Кривошеине, да и сам Коковцов признает, что мог быть назначен ктонибудь другой, а не он — даже генерал Сухомлинов; после некоторых колебаний, в последний момент, за четверть часа до своего отъезда из Киева, в атмосфере спешки, когда адъютанты торопили его с отъездом и откладывавать решение было больше невозможно, Николай II обратился к Коковцову. Не очень яркая личность министра финансов представляла для государя успокоительный контраст с сильной фигурой убитого премьера и позволяла свести, наконец, эту должность к председательствованию в заседаниях Совета министров, вместо руководства политикой империи.

Коковцов сам понимал, что «прочной, всеобъемлющей власти сейчас в России, никто кроме государя не имеет и иметь не будет» 14).

Если верить донесению французского поверенного в делах Дульсэ, то предварительно этот пост был предложен Кривошеину, который отказался. Несмотря на авторитетность этого источника, эти сведения по меньшей мере неточны. Обстоятельства, связанные с последними часами и кончиной Столыпина, их не подтверждают. Кривошеин находился во время

киевских торжеств в Крыму, в Никитском саду, со своей семьей. По семейным воспоминаниям, он говорил тогда, что не желая премьерства, он надеется, что ему эту должность тогда не предложат, так как при настоящих обстоятельствах, ему неудобно будет от нее отказаться: могли бы подумать, что он отказывается из страха стать жертвой террориста. Из этого можно заключить, что царь ему эту должность не предлагал. Повидимому, именно чтобы избежать этого предложения, он (разъехавшись по дороге с прибывшим в Крым государем) поехал в Киев только на похороны Столыпина 9 сентября во время которых, по ее желанию, он вел под руку вдову убитого премьера 15).

Вначале, положение Коковцова было достаточно прочным, так как Николаю II «дышалось легче» с ним чем со Столыпиным, в чем он откровенно признался новому премьеру в Ливадии вскоре после назначения: последний не ставил себя на первое место, как это якобы делал Столыпин. Коковцову даже удалось помешать назначению на пост министра внутренних дел А.Н. Хвостова 16).

В первые месяцы своего премьерства, Коковцов был в недурных отношениях с Думой. Его бюджетная речь 2 марта 1912 г. была встречена шумными и продолжительными аплодисментами октябристов, националистов и правых, и пресса отметила, что он произнес ее с большим подъемом. Этот успех отчасти объясняется его резкой полемикой с Шингаревым, — отношения между октябристами и кадетами были весьма натянутыми. Что касается его узкой, лишенной воображения, экономически бесплодной финансовой политики, то большинство депутатов находилось тогда под обаянием фетишизма абсолютного равновесия бюджета, даже чрезвычайного, и нарастания свободной наличности: использование производительных бюджетных капиталовложений, покрытых займами, казалось им опасным. Критика слева — А.И. Шингарева, В.А. Маклакова — относилась к росту военных расходов, к общей отсталости народного хозяйства, к положению в университетах и т. д., и была направлена больше против главы правительства, чем против министра финансов 17). Нужно признать, что наиболее обоснованная критика финансовой политики Коковцова исходила от социал-демократа Покровского («что полезного и хорошего в том, что все ресурсы страны стягиваются в Государственное казначейство, что хорошего в том, что министр финансов колоссально богат, а народ нищ?») и крайне-правого Маркова 2-го (огромная свободная наличность «не обращается, ничего не производит, не приносит процентов, остается бесполезным мертвым капиталом (...) надо уси-

лить денежное обращение, нужны кредиты земству и городам, нужны хлебные элеваторы, необходимо усиленное строительство железных дорог... ») 18).

Начиная с 1913 г. положение Коковцова стало шатким; его авторитет поколебался, его характер, его политика создали ему солидную и почти всеобщую непопулярность, охватившую думские круги, как левые так и правые, прессу, экономический мир, придворные сферы, наконец императрицу Александру Феодоровну, из за его отрицательного отношения к Распутину. Но было бы преувеличением считать, как это делает Коковцов, что в нерасположении Распутина кроется начальная причина его отставки: он сохранил власть еще два года после инцидента со старцем, в течение которых государь « продолжал выказывать ему неизменно доверчивое отношение », а в деловой сфере, Коковцов « не видел никакого нерасположения со стороны монарха » 19).

Бюджетная речь 10 мая 1913 г. была уже встречена весьма сдержанно; « шестидневный бой по государственному бюджету выяснил несколько важных эволюций, сложившихся у нас в течение последних двух лет. Обнаружилась всеобщая непопулярность Коковцова », несколько пренебрежительно писало « Новое Время » (16 мая 1913 г.), невзирая на получаемые газетой от финансового ведомства крайне выгодные объявления. Обычно покладистый председатель бюджетной комиссии октябрист М.М. Алексеенко, гордившийся еще в предыдущем году ростом свободной наличности, достигнутым « при участии Государственной Думы », считал теперь, что ее нужно употребить на такие обширные дела, которые затрагивали бы широкие массы населения. Формула перехода, внесенная националистом Демченко, упрекала министра финансов в том, что он слишком мало внимания уделяет развитию сельскохозяйственной промышленности и что развитие путей сообщения происходит « с угрожающей культурному развитию России медленностью »; эта формула только потому не была поддержана октябристами, что они предпочитали высказывать свою критику по каждой статье росписи отдельно. В целом, ответные речи депутатов, от кадета Шингарева до Маркова 2-го включительно, дали редкую картину почти полного единодушия, если не в деталях критики, то в общем тоне неодобрения бездейственной экономической политики Коковцова 20).

К тому же, положение премьера постепенно расшатывалось и внутри кабинета, где он натолкнулся одновременно на оппозицию справа и слева. К первой принадлежали Л.А. Кассо, И.Г. Щегловитов, В.К. Саблер, отчасти С.В. Рухлов и генерал В.А. Сухомлинов; эта оппозиция еще усилилась с назначением

министром внутренних дел Н.А. Маклакова, пользовавшегося совершенно особенным расположением Николая II, который полностью разделял взгляды своего министра. Оппозицию «слева» представлял Кривошеин 21), защищавший и проводивший свою политику установления хороших отношений с земством и Думой, наиболее ярким выражением которой была, произнесенная им 7 июля 1913 г. в Киеве, речь на тему «Мы и они», вызвавшая недовольство Коковцова 22).

Французский дипломат Дульсэ так описывает позицию Кривошеина в конфликте внутри кабинета между «черносотенной группой» и Коковцовым: «не разделяя их взгляды, настоящий националист, тогда как другие были явными реакционерами, г. Кривошеин ничего не предпринимал для того чтобы обескуражить их коалицию, изолируя себя в выжидательной позиции, тем более для него выгодной, что он представлял другим работать на него» 23).

Препятствия, чинимые министром финансов постройке железных дорог и каналов, вызывали постоянные конфликты между ним и энергичным, но узким в области политики и не особенно компетентным в области финансирования, министром путей сообщения С.В. Рухловым 24). Но за Рухловым стоял Кривошеин, так как разработка проектов железнодорожного строительства в Сибири и Туркестане была в компетенции и Переселенческого управления, этого «ведомства Азиатской России». Еще летом 1910 г. ведомство одобрило проект сооружения линии Арысь (на Ташкентской дороге) — Верный, будущего Турксиба 25), а 27 апреля 1911 г. Совет министров одобрил, по докладу Кривошеина, принцип постройки Южно-Сибирской магистрали 26). Со своей стороны, ведомство путей сообщения разработало проекты сооружения ряда линий в Европейской России.

Первый серьезный конфликт разразился по поводу Черноморской железной дороги, которая должна была соединить Новороссийск с Батумом вдоль побережья. Конфликт этот был показателен, так как он освещает позицию Коковцова в вопросе расширения железнодорожной сети. С одной стороны, он из бережливости противился постройке дорог на средства казны и в то же время тормозил заключение частными предпринимателями необходимых займов за границей.

В вопросе Черноморской дороги, Рухлов, Кривошеин, Тимашев, Щегловитов и Харитонов были сторонниками ее постройки на казенные средства (28 февраля 1912 г.). Коковцов, противясь ассигнованию казенных сумм, привлек на свою сторону Сухомлинова и Григоровича, возражавших на том основании, что в случае войны, дорога могла быть разрушена

турецким флотом; к ним присоединились Кассо и Саблер (9 марта 1912 г.) В конечном счете, арбитражем царя (16 марта) решено было поручить постройку частному обществу — выход по меньшей степени нелогичный, если основываться на стратегических соображениях 27).

Описывая свое незавидное положение в кабинете, Коковцов говорит, что в железнодорожном вопросе Кривошеин, Щегловитов и в особенности Рухлов имели свою теорию бумажного денежного обращения, «убежденно считая меня вредным охранителем денежного обращения и осторожного выпуска кредитных билетов», что касается Тимашева, министра торговли и Харитонов, государственного контролера, то они якобы «прекрасно понимали», но не захотели выступить на защиту его точки зрения 28). Предположение, что Кривошеин мог допускать финансирование строительства путем инфляции, не выдерживает критики. Он был не в меньшей мере чем Коковцов сторонником участия частного капитала, в том числе и иностранного, в этом деле, но считал, что и казна должна сделать определенное усилие, в особенности там, где линии обещают быть доходными. Тем не менее, чтобы преодолеть инерцию ведомства финансов, он стал защищать политику концессий частным предпринимателям, но и тут Коковцов тормозил выпуск займов за границей, утверждая, не без основания, что выпуск займов отдельными, часто мелкими обществами мог отрицательно отразиться на государственном кредите. Но если эта система была действительно неудовлетворительной, то более полутора лет было потеряно, пока под давлением Кривошеина, Рухлова и Думы, Коковцов не предложил наконец свою собственную, весьма рациональную схему единого унификационного железнодорожного займа 29). Казна давала займу свою гарантию и распределяла потом фонды среди концессионеров. Характерно, что эта несомненно удачная система была немедленно одобрена Кривошеиным, как вполне отвечавшая его взглядам: Коковцов ознакомил его с этой схемой в частной беседе.

Унификационный заем был заключен в Париже 15 января 1914 г., за две недели до отставки Коковцова, на сумму в 1250 миллионов рублей, реализуемую в пятилетний срок, при том на 1914 г. приходилось 665 миллионов франков, т. е. более 250 миллионов рублей 30). Заключение займа было облегчено тем, что оно позволяло русскому правительству уделить более крупные суммы на постройку казной стратегических линий, на чем настаивала Франция.

Строительство гидротехнических сооружений, предназначенных для орошения засушливых районов, входило в компе-

тенцию ведомства земледелия, разработавшего начиная с 1910 г. оросительную программу туркестанских и закавказских степей, к которой был присоединен обширный мелиоративный пятелитный план, основанный на использовании « романовского фонда » в 150 миллионов рублей, ассигнованного в 1913 г. Государственной Думой. План предусматривал, помимо ряда мелиоративных работ в Европейской России, создание « Нового Туркестана », — орошенной с участием частного капитала площади в 4 миллиона десятин, предназначенной для культуры хлопка 31). Финансирование этой программы постоянно встречало сопротивление со стороны ведомства финансов, но достаточно прочесть записку Кривошеина лета 1913 г. о плане освоения Закавказья, предвидевшем, помимо крупных оросительных работ, постройку дорого стоящей железной дороги сквозь Кавказский хребет, чтобы стало ясно, что министр земледелия мог тогда проводить свою политику вопреки министру финансов 32).

Хотя финансовая политика Коковцова не отвечала правильно понятым интересам страны и недостаточно стимулировала запоздалое развитие народного хозяйства, справедливость требует признать, что и при его чрезмерной бережливости было вложено немало капиталов и труда, и что ходячая фраза « Коковцов не дает денег » нередко бывала преувеличением. Несправедливы обвинения его в урезывании бюджета обороны, так как ассигнованные на нее суммы часто оставались неиспользованными военным ведомством. А между тем, это обвинение встречается в письме императрицы Александры Феодоровны государю от 10 декабря 1916 г. (« почему Сухомлинов должен пострадать, а не Коковцов, который не хотел давать денег »).

Одним из поводов трений между Коковцовым и Кривошеиным был вопрос возобновления русско-германского торгового договора 1904 г., исключительно невыгодного для русского народного хозяйства. Кривошеин считал, что одна бюрократия не в состоянии добиться улучшения договора, если она не будет опираться на твердо выраженное мнение заинтересованных общественных и экономических кругов, тем более, что в таких именно условиях мобилизации своего общественного мнения подготавливалось к переговорам германское правительство. Для Коковцова, такое привлечение общественности к делам управления было предосудительным и опасным — его горизонт оставался чисто бюрократическим 33).

Разногласия внутри кабинета, падение авторитета премьера при дворе и в Думе, привели к политическому бессилию

правительства, иначе говоря, к установлению политики полной неподвижности.

Характерен конфликт, вызванный осенью 1913 г. докладом Н.А. Маклакова о назначении Б.В. Штюмерера, помимо Совета министров, московским городским головой, из за утверждения выборного кандидата. В этом вопросе Коковцов, подробно описывающий этот конфликт 34) и колебания Николая II, стал поборником единой политики объединенного правительства, в том смысле как это было установлено в первоначальном проекте положения о Совете министров осенью 1905 г. Только тогда это объединение правительственной политики защищалось Витте и запиской Кривошеина от 6 августа 1905 г., тогда как Коковцов старался всячески ослабить, на созванном *ad hoc* Особом совещании графа Сольского, права председателя кабинета, что, на горе ему и России, удалось.

Политика неподвижности в области финансов выражалась также в том, что давно намеченные налоговые реформы оставались без движения, в частности подоходный налог, первая версия проекта которого была разработана еще в бытность Коковцова министром финансов в начале 1905 г.

В этом процессе растущей изоляции Коковцова интересен эпизод критического отношения к его политике графа Витте, который произвел большое впечатление своими выступлениями в Государственном Совете по поводу закона о трезвости. Коковцов упомянул о резких выпадах Витте против деятельности винной монополии в январе 1914 г., ничего не говоря о его нападках в январе-феврале 1913 г. в комиссии Государственного Совета, менее резких по тону, но по содержанию от них мало чем отличавшихся («нельзя оставлять страну в нынешнем положении, при всё более и более развивающемся пьянстве. С 1903 г. (т. е. с его отставки) никаких новых мер по борьбе с пьянством не предпринималось, а меры принятые раньше правительством не развивались сообразно с прогрессирующим пьянством») 35). Витте утверждал, что целью установленной им монополии была регламентация пьянства, а не его поощрение. Само собой, он преследовал в этом вопросе личные цели: зная отрицательное отношение царя к злоупотреблениям винной монополии, он надеялся вернуть себе его доверие таким путем; преувеличивая влияние Распутина, он рассчитывал и на его поддержку 36). Его расчеты не оправдались, но государь дал ему повод надеяться на это: 14 апреля 1913 г., на Пасху, вскоре после критического выступления Витте в комиссии Государственного Совета, ему был пожалован орден Св. Владимира 1-ой степени, «по Государствен-

ной канцелярии», где Витте никогда не служил (но Государственная канцелярия была канцелярией Государственного Совета). Так как это высокое отличие (самое высокое после Св. Андрея Первозванного) совпало с пятидесятилетием департамента неокладных сборов, в ведении которого состояла винная монополия, то было неясно, было ли оно пожаловано учредителю монополии или критику ее уродливой эволюции; если второе объяснение правильно, то этому царскому жесту было присуще скрытое порицание находящегося у власти главы правительства.

Одновременно с падением авторитета Коковцова, влияние Кривошеина на государя и на общество продолжало расти. Относительно общества, достаточно вспомнить впечатление оставленное речью Кривошеина 7 июля 1913 г. в Киеве, на тему «Мы и они», в которой он утверждал, что Россия достигнет благоденствия, только если не будет разделения на «Мы и они», т. е. на правительство и общество. Вопрос замены Коковцова и глубокой перемены фниансовой политики стал на очереди 37). Осенью 1913 г. Кривошеин, вернувшись из Крыма, где он побывал с докладом у государя в Ливадии, сказал П.Л. Барку, что он имел там продолжительную беседу о необходимости реформы русской финансовой системы 38). Государь предложил ему не только портфель финансов, как это пишет Барк, но и пост председателя Совета министров. Кривошеин отказался от портфеля финансов, ответив, что он желал бы продолжать работу в своем ведомстве, пояснив, что еще Столыпин имел в виду П.Л. Барка для замены им Коковцова и что, по его, Кривошеина, мнению, Барк является лучшим кандидатом на эту должность. Что касается до председательства кабинета, то Кривошеин, несмотря на то, что оно было бы завершением его блистательной карьеры, отказался от этого поста по причинам коренившимся в его оценке царского характера. Он посоветовал назначить И.Л. Горемыкина, вполне приемлемого для Николая II и с которым он сам был в очень хороших отношениях; назначая Горемыкина, царь предоставил Кривошеину быть «фактическим премьером», как это он не раз определял впоследствии 39). Кривошеин мотивировал свой отказ болезнью сердца, которую обыкновенно считали грудной жабой, но бывшей, в действительности, острой, но не особенно опасной формой расширения сердечной сумки (перикардитом), вероятным последствием пережитых волнений в связи с неминуемыми переменами, которые должны были осуществиться по его инициативе. Эта болезнь заставила отложить разрешение кризиса почти на три месяца 40).

Принявшая в конце декабря более острый характер болезнь Кривошеина произвела сенсацию, так как от ее исхода зависело не только направление политики, но и карьера многих. Оба наших домашних телефона на Сергиевской 36 не прекращали работать, и пишущему эти строки то и дело приходилось отвечать на вопросы о состоянии здоровья отца. Как-то раз, телефонная станция оповестила, что «с вами будут говорить из Царского Села», и вскоре состоявшая при особе императрицы фрейлина осведомилась по поручению государыни о его здоровье. Интерес императрицы Александры Феодоровны к состоянию здоровья «ее друга Кривошеина» проявлялся таким путем ежедневно.

Нельзя обойти молчанием роль князя В.П. Мещерского в отставке Коковцова, не преувеличивая ее удельный вес, как это со свойственным ему хвастовством делал Мещерский, незадолго до того, весной 1913 г., снова получивший царское расположение и дружбу, после девятилетнего частичного отдаления 41). Преувеличивал эту роль и Коковцов, ставя Мещерского на первое место виновников своей отставки 42). Необходимо уяснить отношения между Кривошеиным и Мещерским на основании опубликованных писем последнего министру. До весны 1913 г., когда «старая дружба» между царем и Мещерским «вернулась окончательно», они были основаны на низкопоклонном попрошайничестве и грубой лести князя к облеченному влиянием и властью разночинцу-министру 43). Во второй половине 1913 г. положение изменилось, и сиятельный журналист мог уже вредить не только инсинуациями «Гражданина», но и личными контактами с государем. Вначале благоприютствовавший Коковцову, он рассорился с ним оттого, что со свойственной ему щепетильностью в области финансов, Коковцов отказался утвердить председателем биржевого комитета И.П. Мануса, сомнительного дельца и биржевого советника Мещерского. Кривошеин уже давно предпочел нейтрализовать последнего («Снять его злобу со своей дороги», как выражался Столыпин в 1909 г., собираясь давать субсидию Мещерскому), выполнением его мелких просьб, когда кредит Мещерского у государя был невысок. Кривошеин понимал, что теории развиваемые им в «Гражданине», абсолютно отвечавшие воззрениям императора Николая II на природу его власти, вернут князю некогда поколебленное царское благоволение, что и случилось после романовских торжеств. Мещерский оказался козырем в игре Кривошеина. Использование Мещерского для проведения политики, основанной, в конечном счете, на сотрудничестве с Думой и общественностью, было одним из парадоксов полити-

ческого положения в 1913-1914 г. Он вытекал из отношения императора Николая II к его отказу, «против велений своей совести», от неограниченности своей власти, при утверждении основных законов, в апреле 1906 г. Кривошеин пытался удерживать государя на линии думской монархии и данных манифестов, убеждая его, что другого пути нет (для самодержавной власти, говорил он откровенно царю, «нужно чтобы во главе стал монарх с характером и силой воли Вашего прадеда Николая Павловича. А если этого нет» — и государь это сам признавал, — «то единственный путь, это конституционная монархия в духе данных уже манифестов и правление в согласии с Думой и общественностью»). Зная привязанность царя к принципу самодержавия, Кривошеин считал, что использование лично обязанного ему Мещерского позволит обезвредить его влияние. Это была рискованная и, в конечном счете, проигрышная игра.

Николай II расстался с Коковцовым прежде всего по собственному убеждению. Если кто и оказал на него влияние, так это Кривошеин, потому что поставленная последним цель: перемена финансовой политики и сокращение роли питейных доходов отвечала сложившемуся тогда внутреннему убеждению государя. Больше того, назойливые напоминания Мещерского о желательности увольнения Коковцова только вызывали раздражение, как явствует из царского письма князю от 8 сентября 1913 г. из Ливадии: «На твою просьбу относительно решения участи К., повторяю, что я всегда занят этой мыслью и надеюсь быть в состоянии привести ее к решению, но давать своего рода обязательство в том, что я непременно исполню ее, я не могу» 44).

Нападки Витте на «питейную политику» Коковцова достигли кульминации на заседании Государственного Совета 10 января 1914 г. «Большой парламентский день. Можно сказать исторический день. Целое десятилетие деятельности В.Н. Коковцова на поприще министерства финансов заслужило сегодня осуждение со стороны графа С.Ю. Витте» 45). Трибуны верхней палаты были переполнены представителями высшего света.

В своей исключительно блестящей и едкой речи, Витте доказывал, что питейная реформа дала отрицательные результаты, так как вместо сокращения пьянства, на первый план выступило выкачивание посредством монополии денег в казну. С 1904 г. доходы монополии возросли на 500 миллионов рублей в год, тогда как весь бюджет министерства народного просвещения равняется 160 миллионам рублей — менее трети этого роста. Нельзя ожидать уменьшения пьянства увеличе-

нием культурности, раз общая сумма государственных и земских расходов на просвещение достигает 300 миллионов рублей в год, т. е. менее трети той суммы (936 миллионов рублей), которую русский народ пропивает в пользу казны!

Установив эту действительно «умопомрачающую» пропорцию, и указав, что против этого не было предпринято «ровнехонько ничего», Витте предлагал, для борьбы с «Мефистофелем бюджетных доходов», зафиксировать питейные доходы в 700 миллионов рублей, используя весь излишек на борьбу с пьянством мерами культурного характера, а если ослабление «Мефистофеля» вызовет уменьшение доходов, покрывать его нормальными средствами, налогами и займами 46). Для этого нужно прежде всего вырвать из недр Таврического дворца находящиеся там уже восемь лет законопроекты о новых налогах, и первым делом о подоходном налоге.

Витте упрекали довольно основательно в том, что его критика могла быть отнесена и к его управлению российскими финансами, но это не мешало ей подрывать авторитет Коковцова в глазах общественного мнения. Однако, Коковцов и в эту минуту, когда правильность его финансовой системы оспаривалась повсеместно, оставался верен своему формализму. Он задержал одобрение Советом министров внесенного Кривошеиным пятилетнего плана земельных улучшений (главным образом оросительных и осушительных работ), предусматривавшего расходование за этот срок (1915-1919 гг.) 150-миллионного романовского фонда уже одобренного в принципе Думой: по мнению финансового ведомства, фиксация такой суммы на столь продолжительный срок противоречила бюджетным правилам и вопрос оставался неразрешенным до отставки Коковцова 47).

Наконец, 26 января 1914 г., П.Л. Барк был вызван в Царское Село 48), где, будучи принят в течение 50 минут царем, он изложил ему свои взгляды на желательные перемены финансовой системы. «Нельзя строить благополучие казны на продаже водки». Он предложил ввести подоходный налог и принять все меры для сокращения потребления водки. В беседе были также затронуты темы постройки железных дорог, портов и т. д. «Я решил предложить вам портфель финансов с тем, чтобы вы изменили нашу финансовую систему», сказал ему на прощание государь, прося его об этом никому не говорить. 28 января Кривошеин, тщательно подготовивший весь сценарий перемены правительства, уехал на два месяца отдыхать в Италию, в санаторию доктора Остера, известного немецкого кардиолога, в Оспедалетти, на Ривьере 49). До отъезда, он пришел проститься с Коковцовым и в

слегка шутливой форме намекнул ему, что, быть может, вернувшись, если болезнь его пощадит, в чем он не был уверен, он найдет его носителем высокого титула. 29 января*) Коковцов узнал из письма государя о своем увольнении, а также о своем возведении в графское достоинство, происшедшем в довольно драматических условиях. Как на это указывает сам Коковцов, этот титул был исхлопотан Кривошеиным в надежде смягчить уволенному премьеру горечь увольнения. Однако, за несколько часов до своего отъезда в Италию, Кривошеин был извещен одним дружественным лицом из царского окружения, что царь в последнюю минуту передумал и решил не давать Коковцову титула о котором тот давно мечтал. Хотя обращение к государю по телефону было фактом исключительным даже для министра — Сазонов обратился к нему таким путем впервые в день австрийского ультиматума Сербии 50), — но Кривошеин, пользуясь своей тогдашней близостью к монарху, позвонил ему; «Ваше величество, так и прислугу не увольняют», сказал он с большой твердостью и графский титул был дан уволенному премьеру, прозванному из за этого «графом по телефону».

30 января статс-секретарь И.Л. Горемыкин был назначен председателем Совета министров, а П.Л. Барк — управляющим министерством финансов. Обнародованный на имя Барка рескрипт, написанный Кривошеиным на его квартире, на Сергиевской 36 в присутствии Горемыкина, излагал основные директивы новой финансовой и экономической политики. Они отвечали взглядам Кривошеина, высказанным им Николаю II в Крыму, осенью 1913 г. Рескрипт, в торжественной форме, намечал глубокие перемены в финансовой и экономической политике страны. («Я пришел к твердому убеждению, что на мне лежит перед Богом и Россией обязанность ввести безотлагательно в заведывание государственными финансами и экономическими задачами страны коренные преобразования»). Предусматривалась постепенная замена питьевых доходов подоходным налогом и увеличением промыслового налога и доходами от интенсивного освоения природных богатств («нельзя ставить в зависимость благосостояние казны от разорения духовных и хозяйственных сил множества моих верноподданных, и потому необходимо направить финансовую политику к изысканию государственных доходов, добываемых от неисчислимых естественных богатств страны и от народного производительного труда, при соблюдении разумной бережливости»).

*) В своем «Показании» («Вопросы Истории», апрель 1964 г., стр. 109), Коковцов указывает 28 января.

ности, постоянно соединяя заботы об увеличении производительных сил государства с заботой об удовлетворении народных нужд», что, в частности, подразумевало политику усиленных капиталовложений в народное хозяйство). Кроме того, указывалось, что народный (т. е. крестьянский) труд подчас был лишен « в тяжелую минуту нужды денежной поддержки путем правильно поставленного и доступного кредита » 51).

Рескрипт произвел большое впечатление. « Возвещалась новая эра », пишет Барк. Вернее, « новый курс ». Рескрипт выражал волю верховной власти сменить политику экономической неподвижности, политикой экономического развития и прогресса. « Новому курсу » была придана широкая гласность и он был комментирован печатью. « Охрана бюджетного равновесия », заявил Барк при вступлении в должность 6 февраля, « не должна препятствовать допущению хотя бы и крупных, но производительных затрат, так как эти затраты сторицей вернутся в государственную казну » 52). В том же духе высказался председатель бюджетной комиссии Думы октябрист М.М. Алексеенко : « из сопоставления обоих рескриптов можно усмотреть, что политика осторожности, бережения и накопления без производительности их назначения признается недостаточной; наряду с этим находим осуждение системы, которая наполняет государственное казначейство ценою разорения духовного и хозяйственного всего народа. С другой стороны ставится крупная положительная задача — составить финансовую систему на началах развития производительных сил » 53).

Вскоре после этого министр финансов дополнил свои первые выступления, в частности в области кредита. Дело в том, что назначение Барка связывалось в некоторых банковских кругах со столыпинскими проектами « национализации » кредита, т. е. его « руссификации ». Это вызвало известное беспокойство в некоторых органах прессы, как например « Петербургский Курьер », о котором утверждали, что он был « связан с еврейскими кругами ». Ответом на это было официальное сообщение министра финансов под названием : « Финансовое преобразование ». Министр финансов будет придерживаться развития кредита и менее национализации, чем демократизации его; первым делом это относится к кредиту хуторскому и отрубному, затем мелкому промышленному, но также и крупному 54).

В то же время, в исполнение рескрипта, железнодорожное строительство, казенное и частное, развитие шоссейных и водных путей, улучшение портов и целый ряд других предприятий будут проводиться как новым министром, так и дру-

гими министрами, деятельность которых тесно связана с финансовыми преобразованиями. Это разъяснение следовало за разъяснениями Барка в бюджетной комиссии Думы о том, что вопреки развитой в этой области кампании, часть золотого запаса будет продолжать храниться за границей, в том числе и в Германии. Этим подчеркивалась примирительная к этой стране политика. В области кредита будет расширено дело мелкого кредита и наиболее рационально использованы средства Государственного банка для поддержки кредитом производительных сил страны 55).

Согласно с проводимой Кривошеиным политикой сотрудничества с Думой, председатель бюджетной комиссии М.М. Алексеенко был назначен членом Комитета финансов («Высшего совещательного учреждения по делам государственного кредита», председателем которого был Витте), вместе с членом Государственного Совета, бывшим министром земледелия А.П. Никольским; одновременно с ними в Комитет вошли Кривошеин и Рухлов 56).

В начале марта Совет министров одобрил задержанный Коковцовым за несколько дней до его отставки, по чисто формальным причинам, пятилетний план земельных улучшений на общую сумму 150 миллионов рублей. Эта «пятилетка» предусматривала реализацию осушения 625 тысяч десятин, закрепления песков и оврагов на площади 650 тысяч десятин, орошения и оводнения, только казной, 420 тысяч десятин, а также составление проектов орошения с участием частного капитала 4 миллионов десятин в Средней Азии («Новый Туркестан») 57).

В плане политики, уход Коковцова был встречен без сожаления. «Об уходе Коковцова никто не сожалеет, напротив, перемена приветствуется как новый этап, как шаг сменяющий топтание на месте», писала кадетская «Речь». Для органа оппозиционной части московского купечества «Утро России», Коковцов всегда обходил интересы Москвы, а «Голос Москвы» А.И. Гучкова утверждал, что «тщетно взывали к нему в Государственной Думе: «Дайте нам хорошую политику и мы дадим вам хорошие финансы»; г. Коковцов с приятной улыбкой брал «хорошие финансы», копил «свободную наличность», но не давал никакой политики, ни хорошей, ни плохой». «Новое Время», отзываясь скорее нейтрально-корректно об ушедшем премьере, подчеркивало его полную изоляцию в правительстве, главой которого он состоял.

Роспись государственных доходов и расходов на 1914-1915 гг., внесенная Барком в апреле 1914 г. в Думу, была еще целиком составлена Коковцовым и не отражала «Нового кур-

са». Зато объяснительная записка к ней и в особенности бюджетная речь нового министра финансов 22 апреля в Думе дают частичное представление о мероприятиях связанных с «Новым курсом», намеченным рескриптом, перечисляя те из них, спешность которых не терпела отсрочки. В то же время, ощущалось желание успокоить тех, кого могло потревожить появление дефицита в государственном бюджете 58).

По словам Барка, новая политика исходила из уверенности в том, что сокращение потребления водки произойдет лишь медленно и постепенно, и только при добровольном участии всего населения — не было и речи о введении трезвости росчерком пера 59). «Меня не страшит призрак пустой казны, которая будто бы лишится верного дохода в случае укрепления в народе трезвости. (...) Меры нужно принимать, но в сознании, что польза скажется не годами, а десятилетиями (...). И вот почему я опасаюсь не уменьшения питейных доходов в ближайшее время (...), а опасаюсь обратного, что несмотря на новые законы и всю нашу энергию, питейные доходы в ближайшие годы будут стихийно возрастать или, в лучшем случае, не падать». Если же доходы сократятся, то у народа появятся сбережения, которые пойдут на производительные затраты, на улучшение землепользования, на улучшение земельной культуры или в сберегательные кассы; в таком случае «они увеличат тот общий резервуар народных средств, который способствует размещению производительных займов, а вместе с тем служит источником для увеличения средств кооперативных учреждений мелкого кредита, финансирующих народный труд (...). Теперь же нам не столько нужно думать о новых налогах, сколько об использовании неисчислимых естественных богатств нашей родины, которые только ожидают приложения труда и капитала».

Если же сравнительно скоро сократились бы питейные доходы «и очень скоро была бы достигнута та цель, к которой мы стремимся», то в Государственной Думе находятся законопроекты о подоходном налоге, о повышении наследственных пошлин, гербовом сборе и так далее, которые по осторожному подсчету дадут 75 миллионов рублей; наряду с этим можно вывести из бюджета ассигнования на постройку железных дорог и реализовать капиталы необходимые для этого путем займов 60).

Если в области торговли и промышленности, Государственный банк и частные кредитные учреждения шли широко навстречу новым возникшим потребностям, то «наши сельскохозяйственные интересы далеко не обслуживались в достаточной мере». В первую очередь нужно поставить вопрос

о создании особого банковского учреждения, которое придет на помощь сельскохозяйственной России (...). Вопрос о постройке элеваторов тянется несколько десятков лет и встречал на своем пути самые разнообразные препятствия (...). Государственному банку разрешено строить 84 зернохранилища вместимостью 58,8 миллионов пудов, но банк не был в силах осуществить эту сеть один и вопрос теперь решен в среде правительства: в марте, Совет министров постановил образовать особый комитет в видах планомерной постройки целой сети зернохранилищ, которые будут строиться Государственным банком и казной.

Признано своевременным пересмотреть устав Государственного банка, расширить эмиссионное право, привлечь в состав совета банка общественные элементы и даровать банку автономию в его работе.

Заканчивается разработка плана постройки новых железных дорог, на который потребуется более 2,8 миллиарда рублей в течение ближайших лет, т. е. более чем вдвое суммы заключенного в Париже займа.

Будет расширена поддержка мелкого кредита. К 1 апреля 1914 г. общая сумма вкладов и процентных бумаг в сберегательных кассах превышала 2 миллиарда рублей, не считая собственных средств и средств местных кредитных учреждений достигавших 679 миллионов рублей, что вместе составляло около 3 миллиардов рублей.

Чтобы осветить проводимую им политику, министр финансов заявил, что сейчас в России 8500 сберегательных касс и 25300 винных лавок, а его цель достигнуть обратной пропорции: 25300 сберегательных касс и 8500 винных лавок.

Необходимо отметить масштабы железнодорожного строительства предусмотренного в бюджетной речи и быструю подготовку реализации предположений в этой области. Пятилетний план был разработан уже к 1 мая 1914 г., притом, оказывается, это был вообще первый систематический план такого рода («Новое Время», 1 мая 1914 г.). Эта «пятилетка» (1915-1919 гг.) предусматривала постройку 31 488 верст железных дорог и усиление существующих на общую сумму 2963 миллиона рублей, притом 9463 версты казной и 22 025 верст на частные средства. Это означало увеличение существующей сети на почти 50 %. Линия Владикавказ-Тифлис через Кавказский хребет должна была быть закончена только в 1922 г. Среди многочисленных линий можно отметить Южно-Сибирскую магистраль, Турксиб, Магнитогорскую линию, линию Верхнеудинск-Кяхта и, в Европейской России, Петербург-Рыбинск и Петербург-Орел.

«Новый курс» взятый правительством в финансовой области по почину Кривошеина произвел большое впечатление и критики слева настаивали, главным образом, на несоответствии положенного в основу этого курса сотрудничества с общественностью и реакционной, «антиобщественной» политикой правительства в других областях, в сущности политикой Н.А. Маклакова, Л.А. Кассо и И.Г. Щегловитова. С другой стороны, «Новое Время» (25 апреля 1914 г.) считало, что «краеугольным камнем всей новой системы ясно и категорично признается развитие производительных сил страны, более интенсивной эксплуатации естественных богатств (...) эти мысли были чужды нашему старому финансовому и экономическому курсу (...). Все помнят, что осуществление этой мысли помимо финансового ведомства вызвало со стороны последнего энергичное сопротивление, а реформа Государственного банка и создание Сельскохозяйственного банка такой отпор (...) что главноуправляющий землеустройством и земледелием должен был уступить (...) и эти проекты покоились в архиве до конца старого курса». А в заключение: «отношение нового курса к общественному элементу поразило неожиданностью...».

Нет сомнения, что обозначение термином «Новый курс» осторожно сформулированной экономической и финансовой программы правительства не было преувеличением. Намечались первые мероприятия глубокого сдвига в сторону оживления и развития хозяйства России и открывались перспективы, поднятием уровня земледелия, восстановить равновесие между основными отраслями народного хозяйства. В поисках этого динамического равновесия, «Новый курс» выгодно отличался от многих планов экономического прогресса, реализованных впоследствии многими развивающимися странами Старого и Нового Света, где промышленность искусственно насаждалась за счет земледелия, со всеми вытекающими из этого социальными последствиями.

Всё это указывает на то, что 1914 год мог бы быть началом нового скачка в росте народного хозяйства. «Новый курс» совпадал с началом осуществления целого ряда мероприятий и завершением целого ряда процессов, плоды которых созрели бы в ближайшие годы и автоматически сменили бы уже быстрый ритм экономического роста еще более бурным.

Для этого, в условиях общего промышленного подъема, имелись налицо все необходимые предпосылки. В течение начинавшейся тогда «пятилетки» были бы построены и Южно-Сибирская магистраль и «Турксиб» и ряд линий в Европейской России отнюдь не стратегического значения;

развитие азиатской сети сопровождалось первыми реальными мероприятиями для создания там крупных промышленных центров; площадь орошенных хлопководческих районов обеспечила бы полную независимость текстильной промышленности от иностранного импорта и улучшила бы положительное сальдо торгового баланса, сильно сократившееся из-за роста импорта — результат роста материального благосостояния русского народа. Заработали бы Днепрострой и Волховстрой, первый пусть и реализованный в более скромных размерах чем было его осуществление при советской власти 61).

Но главное, поворот в земельной реформе, в силу которого, в особенности начиная с 1911 г., часто формальное укрепление наделов в «аршинной» чересполосице уступало рациональному разверстанию надельной земли, стал бы давать результаты, отвечающие масштабам задания. Ведь около 6 миллионов крестьян-домохозяев (от 35 до 40 миллионов душ) потребовали к 1914 г., согласно с законом 29 мая 1911 г., этого разверстания, будь то в единоличную собственность, будь то при сохранении общинного строя, там где он был еще живуч. О том, что означало для русского земледелия завершение землеустроительных работ не только для этих шести миллионов хозяев, но и для всех тех, которые были бы неизбежно вовлечены в этот процесс, можно судить по тому, что было сказано о немецком земледелии: аналогичные землеустроительные работы подняли его за 50 лет более, чем всё то, что было сделано за предшествовавшие 1000 лет. Только темп осуществления этих работ в России был несравненно более быстрым 62).

Остается ответить на вопрос: почему Кривошеин, пользовавшийся в 1914 г. полным расположением Николая II и даже императрицы, и популярностью в Думе и в земстве, отказался от предложенного ему поста главы кабинета, несмотря на то, что его финансовая программа была целиком одобрена? На это он ответил своему сотруднику И.И. Тхоржевскому 63): «Называться премьером и не быть им на самом деле, для этого нужно либо старческое безразличие ко всему, либо особая жажда власти, а настоящей власти никому после Столыпина не давали и не дадут. Я предпочитаю быть полезным на моем собственном месте». Но если Кривошеин ответил так, по словам Тхоржевского, отрывисто и неохотно, то за него очень удачно, хотя и недоброжелательно и односторонне, ответил граф Коковцов: «Брать на себя полную ответственность за общее направление дел Кривошеин не хотел. Он хорошо понимал, и пожалуй даже лучше чем кто либо оценивал, что в России первому министру опереться

не на кого. Его жалуют только пока человек не выдвигается слишком определенно в общественном мнении и не играет роль действительного правителя; а стоит этому человеку приобрести решающее влияние на дела, как наступает для него пора чреватая всякими неожиданностями».

Охарактеризовав Кривошеина как человека далеко незаурядного, умного, крайне самолюбивого, вкрадчивого в своей форме, проявившего много деловой энергии и отлично умевшего выбирать для своего окружения способных людей, Кокковцов, говоря об его искании всеобщей популярности, заключает: «Ему нужно было стоять на обоих берегах, быть правым в одном месте, умеренно левым с другими, говорить везде и всегда то, что было приятно слушать (...). Такому человеку невыгодно было принимать на себя открыто ответственную роль (...) и гораздо приятнее было подготовить такую комбинацию, при которой он оставался юридически в тени, а сам за кулисами сосредотачивал бы в себе полноту фактической власти, отлично понимая, что весь успех будет приписан ему, а всякую неудачу можно будет отстранить от себя» 64).

Нужно всё же добавить к этому, что на полноту фактической власти, даже закулисной, Кривошеин рассчитывать не мог, хотя бы из за совсем особого положения в кабинете Н.А. Маклакова, царского единомышленника и друга, борьбу с реакционной политикой которого ему пришлось вести до июня 1915 г., когда, используя военные неудачи, ему удалось добиться отставки министра внутренних дел. Повидимому, когда осенью 1913 г. ему предлагали власть, Кривошеин осторожно позондировал у царя почву о возможности получить через голову этого министра особые полномочия, но не получил удовлетворявшего его ответа 65).

Но кроме этих главных причин отказа, у Кривошеина была и другая. Она имела, как он сам признавал впоследствии, «дон-кихотский характер». Он был одним из главных виновников отставки Кокковцова и для его самолюбия было неприятно, чтобы говорили, что он его спихнул, чтобы занять его место. Он предполагал, что «вынутый из нафталина» Горемыкин не будет старчески цепляться за власть, если бы события поставили его, Кривошеина, в необходимость добиваться и официальной полноты власти. Это предположение не оправдалось и последствия сделанной ошибки сказались летом 1915 г., когда проводимая Кривошеиным политика общественного доверия столкнулась с политикой игнорирования общест-венности, олицетворенной Горемыкиным, отсюда и письмо министров 21 августа 1915 г.

«Кривошеин не чувствовал себя вождем — писал о нем И.И. Тхоржевский 66), — ему нехватало ораторского дарования, огня, внешней властности, всего того, что было в таком избытке у Столыпина, уступавшего зато Кривошеину в уме, широте, гибкости... Он не чувствовал ни в себе самом и ни в ком другом после Столыпина достаточно силы, чтобы преодолеть опасную отчужденность трона...».

В сфере деятельности своего ведомства, а также и в области общей экономической политики, он проявил, как показывает избранный им «Новый курс», то настоящее дерзновение, которого требовали обстоятельства. Зато в вопросе премьерства, его чрезмерная осторожность показала, что у него отсутствовал дар дерзновения политического, качества являющегося основным условием успеха всякого крупного государственного деятеля.

В своем отказе от премьерства, он следовал своей обычной, испытанной тактике: избегать занимать первое место, чтобы не быть объектом людской зависти, сохраняя преимущества власти. В данной случае, эта, до того благоприятная для его карьеры карта оказалась битой и притом не для него одного.

К. А. Кривошеин

ПРИМЕЧАНИЯ

1) В.И. Ленин, «Полное собрание сочинений», т. 16, стр. 415.

2) С.М. Дубровский, «Столыпинская земельная реформа», Москва, 1965 г., стр. 126, на основании документов Ц.Г.И.А.Л. В.Н. Коковцов, «Из моего прошлого», Париж, 1933 г., т. 1, стр. 226; у него здесь нехватка памяти совершенно необыденного размера: автор забыл, что Кривошеин был его товарищем министра между 6 октября и 21 мая 1908 г. и управляющим поземельными банками. Забывая, что во главе ведомства землеустройства стоял тогда князь Васильчиков, Коковцов считал, что Кривошеин возглавлял это ведомство уже с июля 1906 г.

Коковцов мотивировал свой отказ давать ссуды возможным утверждением Думой указа 9 ноября 1906 г.

3) «Новое Время», 11 мая 1910 г. Проект предвидел контроль участковыми землемерами правильности использования ссуд крестьянами.

4) Коковцов, хотя и сорвал проект, но постарался смягчить остроту конфликта, принявшего личный характер. Несколько дней спустя, на праздновании 25-летия Дворянского банка, он предложил первый тост, после обычного «за государя императора», за А.В. Кривошеина, в течение двух лет бывшего управляющим этого банка и продолжающего интересоваться его судьбой, на что, естественно, Кривошеин провозгласил ответный тост за В.Н. Коковцова.

5) «Documents diplomatiques français», 3e série, vol. 9, № 453.

6) Ук. соч., т. 1, стр. 429.

7) Коковцов, ук. соч., т. 1, стр. 432-439; о том с каким раздражением

Столыпин переносил некоторые черты характера министра финансов, свидетельствуют воспоминания А.П. Наумова (« Из уцелевших воспоминаний » 1868-1917 гг., Нью-Йорк, 1955 г., т. 2, стр. 207).

8) « Новое Время », 12 апреля 1910 г.

9) « Новое Время », 8 июня 1911 г. Изложение этого эпизода Коковцовым в его воспоминаниях (т. 1, стр.- 467-473) содержит наряду с действительными фактами то, что трудно не определить как плод его фантазии, переплетающейся с проявлениями потери памяти. По Коковцову, Столыпин, уезжая на отдых в начале июня 1911 г. и передав ему временное председательствование, ни словом не обмолвился об их расхождении относительно Крестьянского банка (стр. 465); в первые же дни после отъезда Столыпина, т. е. в июне, Кривошеин извещил Коковцова, что он отказывается от подчинения банка своему ведомству и желает войти с ним в соглашение о большем сближении банка со своим ведомством, главным образом относительно выбора земли приобретаемой банком и выбора крестьян, покупающих землю (стр. 469). Затем, якобы в самом начале июля, два дня после возвращения Столыпина, последний вызвал Коковцова к себе, где уже был Кривошеин и, отдав должное прямоте Коковцова и сказав Кривошеину, что тот его « предал », обещал довести соглашение до благополучного конца, добавив : « буду еще более рад, если вы найдете возможным довести его до такого конца под вашим председательством в Совете министров, еще до моего окончательного возвращения в Петербург » (в сентябре или октябре) (стр. 471-473).

В действительности, эта фраза о проведении проекта в его отсутствии не могла быть произнесена Столыпиным по той простой причине, что он сам, месяцем раньше, одобрил и подтвердил достигнутое соглашение (шедшее несравнимо дальше в интересах ведомства землеустройства, чем это утверждал Коковцов) на Совете министров 6 июня под своим председательством, накануне своего отъезда в отпуск.

Коковцов просто забыл о проведенном через Совет министров соглашении и перепутав числа, неосторожно приписал Столыпину слова, которые тот фактически не мог произнести, что ставит под сомнение достоверность и прочих приписываемых им Столыпину слов.

Возможно, что Кривошеин, ради достижения сравнительно выгодного для его ведомства компромисса, поставил Столыпина перед совершившимся фактом в момент возвращения премьера из его ковенского имения в апреле 1911 г., зная его отсутствие гибкости, но даже если это и вызвало преходящее раздражение премьера, то это не отразилось ни на одобрении проекта Столыпиным лично, ни на близком сотрудничестве обоих, предпринявших тотчас сообща шаги для замены Коковцова кандидатом Кривошеина — П.Л. Барком.

10) « Новое Время », 13 марта 1913 г.

11) Кривошеин требовал права выпуска облигаций на 150 миллионов, а не на 50 миллионов рублей.

12) По словам Коковцова (ук. соч., т. 2, стр. 295), « все говорили, что Тимашев взял его не столько по собственному выбору, сколько потому, что на него указал покойному Столыпину Кривошеин, готовя в нем более сговорчивого чем я министра финансов ». Коковцов ошибочно относил это назначение к 1910 г.

13) В назначении Барка имелся элемент недоразумения. Столыпин мечтал, довольно химерично, о « национализации кредита », т. е. о сокращении влияния иностранного капитала на русские банки, а Барк был руководителем Волжско-Камского банка, самого русского из всех крупных банков (об этом в показаниях Белецкого, в « Падении царского режима », т. 4, стр. 245). Однако, получив в 1914 г. портфель финансов, он проводил, вполне разумно, совсем другую политику, настолько, что вызвал неудовольствие правой фракции в Думе и ее лидера, А.Н. Хвостова, в бытность последнего министром внутренних дел. Из его показания перед следственной комиссией явствует, что Хвостов, будучи

сам сторонником этой «национализации», считал Барка защитником иностранного капитала («Падение...», т. 6, стр. 76).

О назначении Барка товарищем министра торговли: П.Л. Барк, Воспоминания, «Возрождение», № 157, Париж, 1965 г., стр. 59.

14) Ук. соч., т. 1, стр. 484; что в этой «атмосфере спешки» было что-то обидное для становящегося первым должностным лицом империи Коковцова, отметил А.И. Гучков в своих воспоминаниях («Последние Новости», Париж, 2 сент. 1936 г.): «так лавочку не передают своему приказчику, как государь передал Коковцову Россию».

15) Ук. дипломатический документ № 453.

«Все указывало, после киевского убийства, на г. Кривошеина, как на наследника г. Столыпина. Император предложил ему это наследие, но он от него отказался, ссылаясь на посредственность своего ораторского дара. В действительности, как он сказал одному из наших сотрудников, будучи свидетелем противодействия встречаемого программой Столыпина, в сущности почти отвергнутой, не чувствуя в себе достаточно сил, чтобы преуспеть там, где его учитель потерпел неудачу, он предпочел предоставить своей судьбе экономистов и финансистов, сторонников компромисса и бездействия, и продолжать, со своей стороны, дело аграрного преобразования, которое его неудача во главе правительств могла бы поставить под вопрос».

Правильнее было бы понимать слова Кривошеина как объяснение того, почему он не искал наследия Столыпина.

16) Коковцов не упомянул об этом отношении царя к Столыпину и решительно опроверг ссылку на себя в воспоминаниях А.И. Гучкова в «Последних Новостях» (Париж, август 1936 г.), упустив из виду, что он рассказал об этом не только Гучкову, но и Морису Палеологу («La Russie des Tsars pendant la Grande Guerre», Париж, т. 1, стр. 315-316), С.И. Шидловскому (Воспоминания, Берлин, 1923 г., часть 1, стр. 148), а также и лицам проживавшим еще в 1972 г. в Париже.

17) «Новое Время», 2 марта 1912 г.

18) «Новое Время», 1, 2 и 3 марта 1912 г.

19) Коковцов плохо принял в феврале 1912 г. Распутина и резко отозвался о нем Николаю II; об этом в его воспоминаниях (т. 2, стр. 35-40) и его втором показании перед Чрезвычайной Следств. Комиссией в 1917 г., утерянном и найденном значительно позже («Вопросы Истории», апрель 1964 г., № 4, стр. 113-114).

20) «Новое Время», 11, 14, 15 и 16 мая 1913 г.

21) Это различие обеих внутрикабинетских оппозиций Коковцову, из которых оппозиция справа стала, в свою очередь, оппозицией Кривошеину во время его «фактического премьерства» в 1914-1915 гг., совершенно не отмечено советской историографией, сливающей обе оппозиции воедино, под названием «черносотенной» («История СССР», 1-ая серия, т. 6, глава 5-ая, стр. 400, написанная А.Я. Аврехом, Москва, 1968 г.). Между тем, в своем показании перед Следственной Комиссией в 1917 г., Коковцов причисляет Кривошеина вместе с Тимашевым и др. к группе близкой себе, в отличие от «черносотенных» министров.

22) По словам Коковцова (ук. соч., т. 2, стр. 130), Кривошеин поддерживал одновременно связи с придворными кругами и постоянно заигрывал с земствами и членами Думы.

23) Ук. дипломатический документ, № 453.

24) Кн. Вс. Н. Шаховской, «Sic transit gloria mundi». Париж, 1952 г., стр. 167.

25) «Новое Время», 5 июля 1910 г.

26) Г.В. Глинка, «Азиатская Россия», С.П.Б., 1914 г., т. 2, стр. 552-554.

27) «Новое Время», 10 и 17 марта 1912 г., О выгоды Черноморской дороги для казны свидетельствует факт, что четыре частных общества добивались получить на нее концессию.

28) Ук. соч., т. 2, стр. 172-177 и 182-183.

29) А.П. Наумов (ук. соч., т. 2, стр. 400), министр земледелия в 1915-1916 гг., рассказывает как 13 мая 1916 г. он, в ответ на упрек

Коковцова в том, что он не использовал огромные залежи хлеба, лежавшие без употребления в Сибири, резко оборвал Коковцова: «Кто же в этом виноват как не вы сами, граф! Если бы вы, в свое время, решительно поддержали финансирование хотя бы того железнодорожного пути, который проектировался для присоединения к общей сети обширной и плодотворной Акмолинской области (...) те 300 миллионов пудов, которые в данное время гниют в упомянутой области, сделались бы достоянием потребителей Европейской России...»

Этим путем была Южно-Сибирская магистраль, протяжением в 1618 верст (Орск-Акмолинск-Семипалатинск), одобренная Советом министров 27 апреля 1911 г. по докладу Кривошеина, финансирование которой оттягивалось затем Коковцовым; концессия на постройку линии уже на частные средства была дана только 16 июня 1914 г.

30) «Новое Время», 17 янв. 1914 г.

31) Проекты орошения центральной части Муганской степи в Закавказьи и Голодной степи в Туркестане были одобрены Советом министров 18 марта 1911 г. («Новое время», 19 марта 1911 г.; также, та же газета 24 дек. 1913 г. и 10 января 1914 г. об использовании «романовского фонда»).

32) «Новое Время», 7 сентября 1913 г.

33) Коковцов, ук. соч., стр. 127-128 (т. 2); 14 мая 1913 г. был образован при ведомстве земледелия Сельско-хозяйственный комитет по пересмотру договора.

34) Ук. соч. т. 2, стр. 246-250 и «Показание» в «Вопросах Истории», апр. 1964 г. стр. 94. Записка Кривошеина о необходимости объединения политики кабинета впервые публикуется в главе «Объединенное правительство» этого труда.

35) «Новое Время», 20 янв. 1913 г.

36) Витте был в сношениях с Распутиным, поклонницей которого была графиня. Уверенному в правоте своей политики Коковцову, элементарное чувство такта не подсказало, что неуместно придавать винной монополии род ореола, когда репутация ее ставилась под вопрос. Юбилей был отпразднован с большим торжеством, вплоть до архиерейского молебна, призом служивший архиерей поставил в заслугу монополии распространение трезвости среди населения, что вызвало кислосладкую статью М.О. Меншикова 18 апреля в «Новом Времени» под названием «Питейное торжество». В другом месте газета напоминала, что ведомство не разрешало распространение фильмов против пьянства, одобренных Свят. Синодом.

37) Говоря о положении Коковцова, дипломат Дульсэ сообщал своему правительству: «...все эти удары касались человека, которого больше не защищали ни сторонники при дворе, ни престиж в народе или в палатах, ни блистательные заслуги в прошлом, ни симпатии государя. С сущности, поражает больше всего то, что в столь безнадежном положении, г. Коковцов пребывал до последней минуты в иллюзии относительно нависшей над ним угрозы судьбы».

38) П.Л. Барк, Воспоминания, «Возрождение», Париж, январь 1965 г., № 157, стр. 61.

39) В частности, назначенному им 16 февр. 1915 г. министром торговли и промышленности Вс. Н. Шаховскому (ук. соч., стр. 50).

40) Кризис и болезнь Кривошеина верно изображены в донесении Дульсэ (ук. документ № 453), только кандидатура Горемыкина была выставлена Кривошеиным не в момент его отъезда в Италию, а еще в Ливадии: «...между тем, император вызвал г. Кривошеина и определенно предложил ему власть. Последний отклонил это предложение, сославшись на состояние здоровья, требовавшего, по крайней мере, два месяца отдыха и солнца. Мне передают из достоверного источника, что император предложил тогда г. Кривошеину сохранить пост председателя Совета министров отправляясь в отпуск. Министр земледелия утверждает, что он не захотел принять столь лестного предложения, указав, перед своим отъездом в Италию, на г. Горемыкина, «своего лучшего

друга». И действительно, об их отношениях можно сказать, что их сердечность равняется их длительности и хотя темпераменты и воззрения обоих глубоко различны, их объединяет одна и та же забота, одна и та же страсть: страсть к земле русской... и если г. Горемыкин занят, главным образом, составлением земельных уставов, тогда как г. Кривошеин создавал земельных собственников, то это объясняется тем, что целая пропасть отделяет не лишенный культурности индифферентизм одного от полной упорства активности второго».

41) Только с опубликованием писем Николая II Мещерскому профессором Игорем Виноградовым (*Some Russian Imperial Letters to prince V.P. Mestchersky, Oxford Slavonic Papers, vol. X, 1962*) можно проследить колебания царского фавора к князю. В периоде между их полным разрывом в 1904 г. и возвращением прежней дружбы весной 1913 г., его влияние ограничивалось «Дневниками» «Гражданина» и появлявшимися в этом журнале инсинуациями.

42) Ук. соч., т. 2, стр. 312-315; Коковцов называет Мещерского хвастуном, не имевшим реального влияния на царя, чтобы приписать затем ему решающую роль в своей отставке. В своем «Показании» («Вопросы Истории», апрель 1964 г., стр. 110-113), он опускает почему-то Кривошеина среди виновников своей отставки, ставя его на второе место в своих воспоминаниях. В «Показании» он перечисляет их в таком порядке: Мещерский, Витте, Александра Федоровна, Сухомлинов.

43) К. Чужой, Письма Мещерского Кривошеину, «Русское Прошлое», Ленинград, 1925 г.

44) I. Vinogradoff, ук. соч., стр. 111, ответ Николая II определяется там как «характерно резкий ответ» (стр. 127).

Влияние Мещерского на Николая II проанализировал Тарле («Граф С.Ю. Витте», сочинения, т. 5, стр. 536); приводя мнение Витте, считавшего это влияние значительным, он пишет: «Витте и тут совсем не понял, что Мещерский, как и всякий без единого исключения человек, которому приписывается «влияние» на императора Николая II, «влиял» на него лишь вплоть до той минуты, пока говорил и делал то, чего желал Николай...». Расхождение между ними по поводу дальневосточной политики вполне подтверждает этот анализ.

По другому определению, Николай II «не подчиняется влияниям, а подбирает удобные ему влияния».

45) «Новое Время», 11 января 1914 г.

46) По системе Коковцова, чрезвычайные продуктивные расходы, как железнодорожное строительство, покрывались бюджетными поступлениями, а не займами.

47) «Новое Время», 10 и 11 января 1914 г.

48) Барк, Воспоминания, «Возрождение», Париж, 1965 г., № 157, стр. 61-64.

49) Доктор Остер был осведомлен, очевидно германским посольством, о роли Кривошеина в правительстве и при прощании с ним, по немецкому обычаю, поцеловал ему руку. С болезнью Кривошеина связан любопытный эпизод: неожиданно явился к нему в Петербург приехавший из Москвы профессор Плетнев и, выслушав его, уехал, отказавшись принять гонорар. Как потом выяснилось, этот визит был сделан по просьбе московского купчества, уплатившего гонорар и расходы, — пример популярности Кривошеина в этой среде.

50) П.Л. Барк, «Июльские дни» 1914 г., «Возрождение», Париж, 1959 г., стр. 17.

51) «Новое Время», 31 янв. 1914 г.

52) «Новое Время», 7 февраля 1914 г.

53) «Новое Время», 1 февраля 1914 г.

54) «Новое Время», 21 февраля 1914 г. «Национализация кредита понимается (...) конечно не с узкой, сектантской точки зрения. Было бы странно и нелепо требовать от каждого желающего кредитоваться, паспорта с справкой о православии (...); /это/ привело бы к полному застою финансовой и экономической деятельности страны, вплоть до

прекращения притока иностранных капиталов (...) Национализация кредита понимается в смысле его доступности». На практике, этой политике противопоставлялась политика Маклакова, подготовлявшего новые ограничительные меры против евреев, в силу которых евреи не могли занимать руководящих постов в акционерных обществах владевших недвижимостью вне черты оседлости. Намечавшиеся мероприятия вызвали понижение курса бумаг на бирже.

55) «Новое Время», 9 февр. 1914 г.

56) «Новое Время», 13 февр. 1914 г.

57) «Новое Время», 9 марта 1914 г.

58) «Новое Время», 23 апреля 1914 г.

59) «Фиксация» доходов винной монополии, предложенная Витте, была отклонена подавляющим большинством Государственного Совета, однако, Витте заявил, что он удовлетворен рескриптом на имя Барка.

60) На 255 миллионов рублей чрезвычайных расходов бюджета, 130 миллионов приходилось на постройку железных дорог и портов.

61) Кредиты на Днепрострой (37,2 млн. рублей), ассигнованные правительством и проголосованные 3 июня 1914 г. Думой, были представлены на одобрение Государственного Совета в июне 1914 г. Они должны были быть рассмотрены им осенью того же года. Проект сооружения на казенные средства, разработанный Управлением водных путей, был значительно более скромных масштабов чем проект группы американских капиталистов, представителем которой был Б.А. Бахметьев, будущий посол Временного Правительства в Соединенных Штатах. Управление, в отличие от Бахметьева и, впоследствии, советского правительства, считало, что затопление огромной площади, пригодной для земледелия, невыполнимо.

Проект Волховстроя был готов в 1914 г. Он был составлен инженером Графтио, строителем гидростанции при советском строе. (Вс. Н. Шаховской, ук. соч., стр. 30-33 и 35) («Новое Время», 3 июня 1914 г.).

62) Мысль о подоходном налоге не была новой — новым было твердое намерение его ввести. Достаточно сказать, что разработка первого проекта была начата весной 1905 г., при Коковцове, министре финансов, товарищем министра Н.Н. Кутлером («Новое Время», 5 апреля 1905 г.), а затем при Витте, в 1906 г., министром финансов И.П. Шиповым. Коковцов внес проект в Думу, где он пролежал семь лет в комиссии, при пассивном отношении ведомства финансов. Четвертая Дума унаследовала проект от третьей, но только с назначением Барка он сдвинулся с места; 23 мая 1914 г. ее финансовая подкомиссия одобрила залежавшийся проект («Новое Время», 24 мая 1914 г.), введя в него некоторые изменения: облагаемый минимум доходов был понижен с 1000 рублей до 800 рублей, установлено было семейное а не личное обложение, ставки шли от 1/2 до 5% при 100000 рублей дохода.

Одобренный Думой во время войны, проект встретил сопротивление в Государственном Совете справа, которое с трудом удалось преодолеть в апреле 1916 г. Коковцов поддержал проект. Ставки были повышены (от 1% до 12%).

(Барк. Воспоминания, «Возрождение», февр. 1965, № 158; доклад Барка о росписи на 1917 г., «Красный Архив», 1926 г., т. 17, стр. 60-61).

63) Газета «Возрождение», 30 ноября 1932 г., «Былое и люди».

64) Ук. соч., т. 2, стр. 320 и 322.

65) Дульсэ пишет: «не ставя условий, министр земледелия поставил вопрос о полномочиях, которые будут ему даны в области назначения губернаторов. Желая сохранить портфель земледелия, зная, что в России только руководство ведомством внутренних дел обеспечивает реальную власть, не будучи в состоянии совместить оба задания, он дал понять, что он желал бы иметь решающее влияние на выбор кандидатов на важнейшие административные посты. Император не дал никакого ответа и оставил Коковцова управлять страной».

66) «Возрождение», 30 ноября 1932 г. («Былое и люди»).